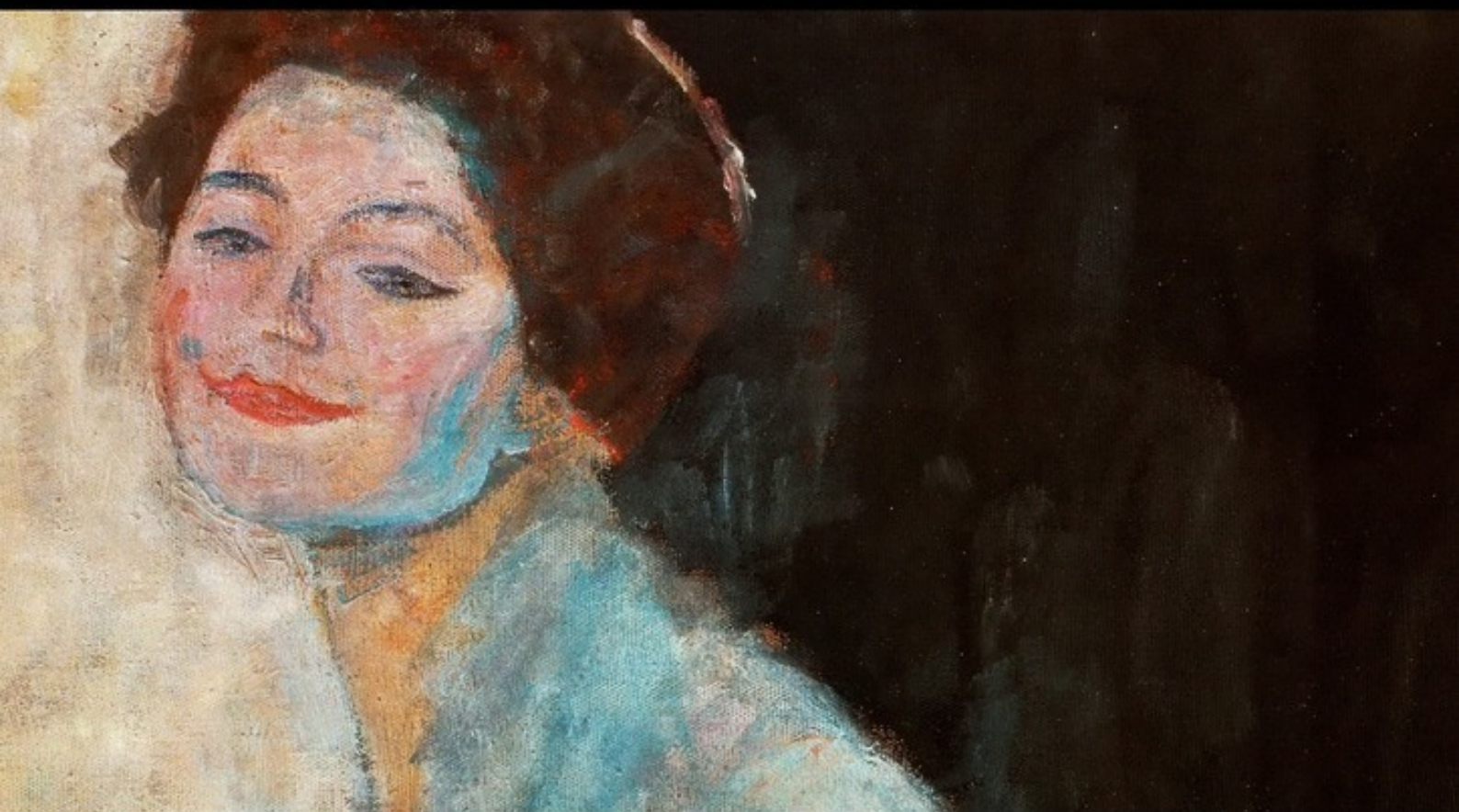

Анна Пигарёва

ПРИДЁТ ЖЕ ТАКОЕ В ГОЛОВУ!

Юмористические рассказы

Анна Пигарёва

Придёт же такое в голову!
Юмористические рассказы

«Издательские решения»

Пигарёва А.

Придёт же такое в голову! Юмористические рассказы /
А. Пигарёва — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855984-6

Большинство рассказов из сборника «Придёт же такое в голову!» написаны в 90-ые годы. Некоторые из них были опубликованы в журнале М. Жванецкого «Magazine», «Неделе», «Бизнесе для всех». Источник смешного в них — обстоятельства и события того непростого времени. Посмотреть на всё это с улыбкой нам помогает богатая фантазия и остроумие автора.

ISBN 978-5-44-855984-6

© Пигарёва А.
© Издательские решения

Содержание

Придёт же такое в голову!	6
Первый и последний полет над рекой	7
Смотрите, кто-то ушёл!	13
Новогодняя сказка	15
Полёты наяву	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Придёт же такое в голову! Юмористические рассказы

Анна Пигарёва

© Анна Пигарёва, 2017

ISBN 978-5-4485-5984-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Придёт же такое в голову! Юмористические рассказы

Первый и последний полет над рекой

– У моей-то, понимаешь, супруги, если приглядеться внимательно, – хвалился подвыпивший Сидоренко, – фигурка не такая, знаете ли, простая, как у обычных баб бывает. Она у неё специальная – на конус, чтобы, так сказать, ей, моей дорогуше, в ступу удобнее было садиться, понятно Вам? – И заржал, довольный, что все его слушают и смотрят только на него.

– Понятно, да не очень, – отреагировали слушатели, глаза у которых косили в разные стороны так, что их узнать было невозможно

– Коли вышел ты сам на эту щекотливую тему, мы тебя, сам понимаешь, за язык не тянули, то уж разясняй ты нам всё, до конца, мил человек. Возникает законный вопрос: в чём смысл? Ну, допустим, конус у неё есть. Ну, допустим, в ступу ей тогда удобней садиться. Хорошо. Только непонятно здесь вот что: во-первых – для чего это в нашей жизни может понадобиться? Другое дело сказки. Там конечно – да. Там это даёт определенные преимущества, а в нашей-то жизни зачем? А во-вторых: тебе-то это на фиг надо?

– Как зачем? – удивился Сидоренко, – Ну для экзотики. Я такую бабу всегда при себе хотел иметь, чтобы у неё, как говорится, «фишка» была.

– Фишка – это да! Допустим, фишка у неё есть. А где ступу возьмёшь? Промышленность не выпускает. Допустим, сам сделаешь, по чертежам там, без чертежей, твои проблемы. Ну, сделал, стоишь, любишься. Бабу свою, допустим, туда посадил. А что дальше? Как она взлетит-то? Об этом ты подумал? Так что, хорош, сказки тут рассказывать. Мы тебе такой лапши сами наварим, ещё и кетчупом польём. Хорош, выпендриваться тут!

Я в стороне от них стояла, случайно слышала разговор.

– Вот дурак-то! – думаю, – Нашёл перед кем хвалиться! Тайну свою раскрыл, да ещё им разяснения даёт! Но до конца всё не говорит. Хитрый.

А я, например, во всё поверила, а о применении даже и думать боялась, потому что у меня относительно этой парочки всегда подозрения были, а в последнее время начала я ощущать, что меня какая-то сила к ним подтягивает и подтягивает. Всё ближе и ближе. А сопротивляться было бесполезно, уцепиться было не за что.

А они за мной как бы издали пока наблюдали, как за насекомым: бывают, мол, такие, с брюшком в полосочку, с лапками мохнатыми, живут себе, сами не знают зачем.

А я и правда не знала, запуталась – барахталась в паутине тонкой, жужжала жалобно, выбраться никак не могла.

Видно они мою слабость и почувствовали, выбрали именно меня, выделили в толпе, и стали поглядывать уже конкретно в мою сторону. Мол, мы тебя видим, голубушка, жди сигнала, уже недолго осталось.

– А чего осталось-то? – думаю. А ответа, конечно, никакого нет. Всё идёт на уровне ощущений и догадок.

Вот иду я один раз, а жена его, тоже Сидоренко, мне навстречу сама плывёт, как танк – не объедешь, не обойдёшь. Затормозила и пушку свою на меня навела. Я, естественно, лапки вверх подняла, стою и жду, что дальше будет. Внутри всё похолодело, хотя лето и жара – почти сорок градусов.

– Здравствуй, милочка моя. Ну, наконец-то! – говорит она радостно, как будто состоялась, наконец, встреча, о которой она давно мечтала, – Как поживаешь, красавица?

– Спасибо, – говорю, – Живу по-прежнему.

– Ну и ладно. Ну и хорошо. Очень даже рада за тебя. – Вот ты, какой у нас молодец. Все жалуются на тяжёлую нашу жизнь, а ты, оказывается, всем довольна, всё тебе нравится – похвалила она меня.

Вот те раз, – думаю, – Забыла она, что ли, с кем дело имеет или ей всё равно? Вот так с налёта перевела меня из женского рода в мужской. Молодцом сделала. Не спросила даже – нужно мне это или нет. Уже начала распоряжаться, заранее. Как бы не перешла она от угрозы к делу! А то превратит она меня в мальчика или в дядьку с бородой! – Оглянулась я вокруг. И свидетелей-то нет никаких, некому и пожаловаться, все по домам попрятались – такая жара!

– Погода, какая жаркая стоит, – сказала я, стараясь успокоиться, – Замучилась я с поливкой. Сохнет всё на огороде без дождей. И огурчики сохнут, и помидоры все повяли, по земле распластались.

– Я фруктов, овощей не развожу, сама знаешь, – сказала она без сочувствия к моим стараниям и страданиям, потом достала из кармана очки, не поленилась надеть их, чтобы лучше меня рассмотреть – чудо такое. – Бесполезное это занятие, скажу тебе. Не обижайся уж на меня. Меня в жизни что интересует – чтоб самой не засохнуть, чтоб, как говорится, самой цвести, да пахнуть, на радость моему супругу дорогому и чтоб наша любовь и взаимопонимание крепили – вот это для меня важное самое. Муж, да жена, как говорится, – одна сатана. Вот такая у нас любовь крепкая! Вот он меня за это и ценит.

– Да знаю я, – хотела я сказать, вспомнив про ступу, и как он хвалился, что жена у него не простая, а с «фишкой», да во время себя остановила.

– А ценит-то как мой супруг меня! Говорит: «Муж без жены – что гусь без воды!» Поняла? Кстати – о воде. Каждый день купаемся. Как водяные уже стали. Того гляди, хвост рыбий вырастет. И засмеялась.

– У вас, – думаю, – что хочешь, может вырасти – вам только захотеть – и, пожалуйста. Может, уже и вырос, – подумала я и незаметно глянула на её длинную юбку. Да разве под юбкой-то разглядишь?

– Накупались, да наплавались в этом сезоне, и на том спасибо, – сказала она и, оглянувшись назад, поправила юбку.

– Не пристало ли чего у меня там сзади, а ну глянь-ка, – попросила.

– Да нет ничего, – сказала я и покраснела. Стыдно стало, что она мои мысли угадывает. Слава Богу, хоть не точно, только направление чувствует. Локаторы что ли у нее в голове, или ещё какие устройства? Кошмар!

– А ты-то что же, куколка, – все одна, да одна? Не подыщешь себе всё никак подходящего? Да, дело это нелёгкое. Ну, как говорится, жди, надейся. Надейся и жди! А то, может, давай к нам присоединяйся? Мокнём и тебя. А? Не возражаешь? – И уставилась на меня, как я среагирую без подготовки.

Солнце голову напекло мне, пот ручьями тек, и выглядела я плохо – вся какая-то мокрая и общипанная, а она стояла вся совершенно сухая и с интересом меня рассматривала в очки с близкого расстояния.

– А когда пойдем-то? Ночью что ли? – спросила я, а голос задрожал, выдал меня.

А она посмотрела и заулыбалась, поняла, что дурочка перед ней полная, да ещё и боюсь их. Как раз то, что надо.

– Правильно, красавица моя, мыслишь, именно ночью и пойдём. Когда же ещё-то? И попрохладнее и вообще. Как же ты догадалась, милая? – спрашивает.

– Не знаю, – говорю. – Показалось, что ночью-то попрохладнее и вообще.

– Видишь, какая ты умница, – похвалила она, – всё улавливаешь с полуслова. Конечно попрохладнее, да и глаз-то любопытных нет. А то ведь как у нас народ? Во всё нос свой суёт. Особенно, конечно, если что необычное, где происходит или сверхъестественное! – Тут она воровато огляделась – нет ли кого поблизости.

– Всё им сразу объясни, да разъясни, да научную базу подведи. А ты у нас тихонькая, скромненькая, никогда и вопроса-то лишнего не задашь. Потому что деликатная и воспитанная. Не то, что некоторые. Смотрю я на тебя и люблюсь. Вот сейчас прям, уже явно вижу, что

настал твой час и к подвигам ты совсем готова. Осталось уточнить только некоторые детали, чтобы уж не провалить, так сказать, операцию? Правильно я говорю? Ты уж нас не подведи. От слова своего не отказывайся. Уж мы за тобой заходить не будем. Лучше уж будет, если сама придешь, так сказать, добровольно, – и засмеялась, – Шучу, конечно. Шутки-то понимаешь, надеюсь?

– Какие уж тут шутки с вами, – думаю и чувствую, что бежать мне надо от неё подальше, а внутри уже анестезия какая-то распространяется и всё, что я говорю и делаю, уже против моей воли происходит. Надо, наверно, что-то уточнить, договориться. А о чём договариваться и что уточнять – не знаю.

Тут она сама мне на помощь и пришла.

– Ну, вот и договорились, – быстро сказала она, – Ты уж нас не подведи. Как говорится: «Давши слово, держись, а, не давши – крепись». Через овраг, милая, беги быстро, не оглядывайся и не сомневайся ни в чём. Поняла? Отбрось все сомнения. Вот так. А мы тебя уж там поджидать будем с распростёртыми объятиями.

Потом она подморгнула мне, уже как своей и ушла, как ни в чем не бывало, исчезла, растворилась, улетучилась.

– А, ладно, – думаю, – пойду. Что со мной случится? Всё равно пропадать. Надоело мне всё.

Темнеть стало рано. Август был. Я только-только успела переделать все дела, а уже надо было идти. Время побежало к двенадцати. Заперла я двери все и побежала в темноту, торопилась, боялась опоздать.

Они меня уже там поджидали. Пришли пораньше. Всегда отличались аккуратностью. Было тихо, и не слышно было даже, как течёт река, как будто звук отключили.

– Некоторые и своё время не берегут и других делают заложниками своей неорганизованности, – сказала жена Сидоренко укоризненно и хлопнула себя оглушительно по голой ноге, – Комары зажрали, сволочи. Опаздываешь, милочка.

– Мошка – крошка, а человеческую кровь пьёт, – добавил сам Сидоренко из темноты и сглотнул даже, то ли есть хотел, то ли пить, то ли мошкам позавидовал, их беззаботной жизни и возможности питаться на халяву.

Честно говоря, я и плавать-то, как следует, не умела. Не то, что они! Ноги у обоих были крепкие, мускулистые. Залюбуешься: у него – покрытые черным волосатым ковром, а у нее – гладко выбритые, блестящие.

– Господи! Вот бы мне такие ножищи! – позавидовала я им. Тогда больше вроде ничего и не надо. Хочешь, плыви куда хочешь, хочешь, беги куда хочешь, везде успеешь. Жалко было, что ничего в себе уже нельзя было поправить или изменить и приходилось довольствоваться тем, что получил навсегда.

– А у меня, – сказал Сидоренко весело, – есть к вам, девушки, деловое предложение.

– Это, какое же, отец? – невинным голосом поинтересовалась супруга.

Понятно было, что договорились о чём-то заранее, а теперь демонстрируют передо мной диалог по ролям.

– А я предлагаю изменить план действий и включить в повестку дня ещё одно мероприятие.

– Господи, спаси и помилуй, – насторожилась я, – что это ещё за испытания они мне заготовили?

– Поплавать, да понырять – это мы всегда успеем. Это от нас никуда не уйдет. Для смелых людей есть мероприятия и покруче, и поэкстримальнее, как говорится – сказал Сидоренко, и глаза его сверкнули в темноте, как будто зажигалка зажглась и тут же погасла.

Потом он устроил длинную паузу и стал ждать, когда я спрошу: «Какие? Какие есть ещё мероприятия покруче?»

А я решила – буду молчать, вытерплю, перетерплю, не поддамся ни на какие провокации.

Они переждали ещё немного, видят, что меня не перемолчишь, не такая я дурочка, как кажусь на первый взгляд, а потом она уже не выдержала, запела, видит – время-то уходит зря.

– Вот рыбы – они плавают, – начала она издали сладким голосом, – но ведь и мы так можем.

– Кто может, а кто и не очень, – всё-таки не удержалась и клюнула я, как петух на «Выгляни в окошко, дам тебе горошка.»

– Ну ладно, не прибедняйся, – похвалила она меня, – Знаем мы вашу скромность. Но будем рассуждать дальше. Вот птицы – они ведь летают. Спрашивается, а мы чем хуже, птиц-то? Что же это мы хуже каких-нибудь ворон или воробьёв?

Я сразу вспомнила про ступу и решила, что она хочет меня в ступе прокатить, а рядом с ней, на сыром песке, увидела круг от ступы, как раз такого размера, под её параметры.

– А куда же она ступу-то спрятала? В кустах, наверно, – догадалась я, – Чтобы меня не спугнуть сразу.

– Вот я и говорю, – повторила жена Сидоренко, видя, что я отвлеклась, и одновременно стараясь затоптать след от ступы на песке. – Мы-то чем хуже? И вот, представляешь, мы с моим это дело освоили, научились преодолевать земное тяготение.

– Ага, – подтвердил ее супруг, – Чем мы-то хуже? Теперь тоже, как птицы летаем. Только что крыльями не машем, – И он засмеялся, как закашлялся, а эхо еще и повторило все это. Такой шум поднялся. Ужас.

– Хорош, шуметь-то, – строго сказала жена Сидоренко, – и опять запела про своё.

– О полётах-то, наверно, тоже мечтала в детстве? Кто только о них не мечтает! Только не у всех эти мечты сбываются. – Сказала она с грустью, – Как говорится – Рождённый ползть, летать не сможет. Мы тебя не случайно выделили. Давно уж за тобой наблюдение ведём. Мы со случайными-то людьми дело не имеем. Нам нужно, чтобы человек был свой в доску и чтобы не подвёл. Дело, конечно, необычное, но не пожалеешь, это уж мы тебе обещаем. Ну, так как?

– А разве можно? – спросила я робко и на моем глупом лице, появилась ещё и глупая улыбка. Хорошо, что в темноте они не видели этот мой позор.

– В наше время – всё возможно, – неожиданно влез в разговор сам Сидоренко, – Было бы желание. Желание-то у тебя есть, надеюсь? А мы уж со своей стороны гарантируем острые ощущения. Это уж наша забота.

– Ну, давайте, – согласилась я не очень уверенно. – Только денег у меня сейчас нет. Потом, может быть, отдам.

– Какие деньги? – возмутился Сидоренко, – Мы же свои люди. Только давай, определяйся с этим побыстрее. Время теряем. Мы, знаешь ли, навязываться никому не собираемся. Говори сразу – согласна или нет.

– Ну, давайте, – согласилась я уже окончательно.

– Ну, вот и хорошо! Молодец! Мы так и думали, что ты не струсил, и, что приятно сознавать, не ошиблись в тебе. Всем интересуешься, любопытство в тебе есть здоровое. Сейчас уж таких редко где встретишь, чтобы ко всему здоровый интерес проявляли. Народ недоверчивый пошёл, ничего им не интересно, ничем их не удивишь, – сказала жена Сидоренко. – Тебя ведь и выбрали, заметь, ни кого-нибудь другого. Цени хоть это!

А сам Сидоренко, кажется, даже потирал руки в темноте. Я хоть не очень поняла, чего они так радуются и зачем со мной так возятся, но было приятно, что они мной довольны.

– Однако, – сказала жена Сидоренко, – Есть еще один деликатный вопрос, который нам надо предварительно утрясти.

– Наверно все-таки деньги захотят получить за услугу. Может быть уже после, так сказать, задним числом, – подумала я.

– Ты, вероятно, читала, а может быть, слышала, – начала жена Сидоренко вкрадчиво, – что последние исследования, проведенные в ряде известных лабораторий мира, показали, что внутри каждого человека, есть некое эфемерное тело, называемое «душой.»

– Слышала, слышала, – закивала я. – Сама всё время об этом думаю.

– И мы тоже об этом же всегда думаем, – не удержался сам Сидоренко, – Тоже этими делами интересуемся.

– Да замолчи ты, – шикнула на него супруга, но потом сразу переключилась на меня. – Вот. Как раз это эфемерное тело, обитающее внутри, между прочим, и увеличивает вес тела человека до такой величины, что он уже не может подняться в воздух.

– Правда? Смотри, как просто, – удивилась я, – А про себя подумала: «Понятно? Из красивых ног, как из корней, и голова умная растёт. Никто не додумался – а они – пожалуйста!»

– Груз лишний! – пояснил супруг авторитетно и сразу замолчал, чтоб не портить дело и не отвлекаться.

– Мы вот, с моим, – тут она, видимо, кивнула на него, – решили, как говорить, оказать тебе честь, а заодно и проверить степень твоего доверия к нам.

– А как же это можно проверить? – спросила я робко, потому что испугалась, что не пройду их тест, а они обидятся, что я им не доверяю.

– А очень просто, – заторопилась жена Сидоренко, – Ты должна нам, исключительно на время эксперимента, передать на временное хранение вот это, так сказать, эфемерное тело. А то не взлетит. Лишнее надо сбросить. Физику, небось, проходила?»

– Проходила, проходила, – оживилась я, – Закон, что ли, всемирного тяготения?

– Ага, ага, именно он, всемирный, так сказать, закон тяготения.

– Друг к другу, – не удержался опять и заржал супруг.

– Замолчи, идиот. Вот пошляк. Не обращай на него внимание.

– Это я могу им сдать на хранение, – сразу про себя решила я, – А то я думала, на вопросы надо будет отвечать, специальные. А сдать эфемерное тело на хранение – это я, конечно, могу.

– Вот и отлично, – заторопился деловой Сидоренко, – Передашь нам это дело, так сказать, на хранение. А потом мы всё вернем в лучшем виде, ты нас знаешь не первый год. Не первый? – еще раз спросил он, видимо, для верности.

– Не первый, – сказала я, как под гипнозом, а потом вспомнила, что как раз первый. Но говорить об этом было уже неудобно, что уж тут считаться, когда тебе люди бесплатно такое одолжение делают.

– А как же передать-то? – заторопилась я, чтобы продемонстрировать им моё доверие.

Они засмеялись в темноте, и я им тоже подхихикнула. «Наверное, думают – всем известно кроме неё. Позор-то, какой!»

– Вынимать ничего не надо, – сказала жена Сидоренко деловито. – Она всем руководила, а он стоял в стороне, не вмешивался, только слушал. – Вот тебе держи-ка листочек.

Тут взошла луна, и стало, как по заказу, всё хорошо видно. Листок бумаги был обычный. Видно не хотели тратить на дорогую бумагу, а может быть, знали, что это не имеет никакого значения. Я положила листок на подставленную Сидоренко мужем спину и стала писать под диктовку. Времени ушло немного, потому что думать и формулировать ничего не надо было, текст-то был стандартный.

– Так наверно и подпись нужна? – спросила я, поставив, наконец, точку.

– Умница. А как же! – похвалил Сидоренко муж радостно, – Обязательно даже нужна. Документ ведь все-таки.

– Наверно кровью, для верности? – спросила я.

– Пожалуй, давай кровью, – сказала супруга Сидоренко, – А то чернила – вещь непрочная, могут смыться. Давай, для верности, кровью.

Я протянула ей палец, как медсестре для анализа, она его в момент проткнула и кровь закапала на песок. Я расписалась, а она тут же протянула мне кусочек ватки.

– Это, милая, чтоб инфекция не проникла. Понимаешь? – сказала она заботливо.

– Как не понять? – подумала я, – Неизвестно чем палец-то проткнула, милая. Как же инфекции не проникнуть? Не только вы ситуацию контролируете, – похвалила я сама себя – Я тоже, дорогие мои, держу ухо востро.

Потом всё пошло быстро. Они меня подхватили с двух сторон, как инвалида поддерживают добровольные помощники. Только разгуливать со мной по берегу, естественно, не стали. Сидоренко муж сказал: «Мы тобой довольны. Не ожидали, что всё так быстро сладится, думали, начнёшь капризничать.»

– Ну что, – спросил он жену, как космонавт, – готова, мать?

– Я всегда готова, – отрапортовала она, ставя нехоти «я» и отступая тем самым от устава.

А он, хоть и был мужчина строгий, но на этот раз придирается не стал к ней. Некогда было в последний момент заниматься всякой ерундой. И так как, безусловно, на этом этапе он был главный, то он и стал отсчитывать, как положено, от десяти назад и, когда от десятки не осталось ничего, прогремело знакомое всем с детства «Пуск».

Я почувствовала, как они напряглись, оттолкнулись от песка и поднялись вверх вертикальным взлетом, немного подержались в воздухе и, выбрав направление, полетели в темноту, неся с собой груз.

– А ведь и при подъеме на воздушных шарах берут мешки с песком, – вспомнила я ни с того ни с сего.

– Почему же они свое-то эфемерное тело никуда не сдали? Как же они-то сделались такими легкими без всяких затрат и без крови?

Но отвечать на мои вопросы уже было некому.

– Раньше надо было спрашивать, – в отчаянии оттого, что уже ничего нельзя было узнать и тем более поправить, подумала я.

Оказалось, что никаких острых ощущений, которые они мне наобещали, и нет, а были одни сплошные неудобства.

Мы летели низко, и мои ноги скребли по воде. Брызги летели во все стороны, и я скоро совсем замерзла и оглохла от ветра, который свистел, как и положено, в ушах.

– Придется потерпеть немного, – уговаривала я сама себя, стараясь оправдать временный дискомфорт, – наверно, не могут сразу набрать высоту.

Я хотела им напомнить про себя и про ноги, раскрыла рот, но никакого звука не получила. Что-то уже начало, видимо, ломаться и портиться внутри меня оттого, что не было эфемерного тела.

Они потом и сами заметили, что не всё в порядке. Он ей кивнул, и они поднялись повыше. Со мной уже никто не разговаривал. Ветер свистел, и было очень холодно.

– Куда же они меня тащат? – думала я, – Зачем я им? Такой груз!

– Ну, всё, хватит, – сказал Сидоренко, – Хорошенького, как говорится, понемножку.

Они разжали руки. Раздался грохот, как будто в реку упал человек.

А потом они вообще куда-то уехали. А я так и осталась лежать на дне реки.

Смотрите, кто-то ушёл!

Жил Деюро где-то, затерянный в огромном Мегофорлинде. Там было все сразу – и сельское хозяйство, и промышленность и все это раскинулось на огромных площадях, все равно, в каком направлении идти по компасу – на холодный ли, леденящий душу Север, или на, манящий своей непомерной жарой и богатый витаминным столом, Юг, на цивилизованный ли Запад, привлекающий простаков обилием всевозможных купюр и наличием экологических катастроф, неизбежных в местах скопления большого количества людей.

Кстати, совершенно забыли про Восток, без которого обойтись никак нельзя, так как с той стороны ежедневно восходит известное всем светило, греет нас и освещает все те безобразия, которые, если бы не свет, и видны бы никому не были.

Единицей измерения в те времена была польза и степень ее извлечения не из какого-нибудь корня квадратного, а из взаимодействия человека с человеком.

Когда еще Деюро только родился, то сразу и подумал: «А какая, собственно говоря, мне от этого польза будет?» Оглянулся вокруг – всё как-то необустроено, дико. С ужасом подумал: «Эх, буду жить – только мучиться». Но раз родился, надо как-то приспособливаться, знакомиться с обстановкой, обустраиваться».

Принесли его к матери, и принялся он завтракать, потом и отобедал, и отужинал, даваясь, так как пища была весьма однообразная, зато калорийная и не за какими продуктами в магазин бегать не надо. Считайте, что повезло ему, потому что не лишили его удовольствия прикоснуться, а затем бережно хранить полученную информацию в сознании и подсознании.

Затерянное в недрах Мегофорлинда существо, что может оно сделать, какие запланированные подвиги может оно совершить, если вокруг столько препятствий, на преодоление которых расходуются все душевные силы, мощность накаченных мышц и накал разума, имеющий к концу дня такую температуру, что хоть вызывай пожарное подразделение в полной амуниции и с брандспойтом наперевес.

Да и с пожарным подразделением, естественно, легче не станет, сейчас же начнутся распросы, вопросы и допросы. До конкретной помощи дело может и не дойти.

Нет, не станет вам легче от того, что они выльют вам на голову очередной ушат воды. Одни полы после них вытирать – сколько времени уйдет, да и наследят, как водиться, и все кругом попопрокидывают, оправдываясь, что служба такая.

Жизнь Деюры была совершенно серая на цвет и беспросветная.

Принимая участие, наравне с остальными, в броуновском движении, он столкнулся однажды с существом, имеющим противоположный заряд, после чего началось, как водится, громкое мяуканье по ночам, заставляющее соседей просыпаться и искать защиты у милиции.

Но милиция, к таким вещам, надо отдать ей должное, всегда относится достойно и с пониманием. Так что соседям, занимавшимся доношением, пришлось утереться и переключиться на другие проблемы.

К глубокому сожалению, подруга, а особенно жена, которая сразу начинает полнеть от сытной замужней жизни, наголодавшись до этого, занимает слишком уж много места. И в малогабаритном помещении непросто найти свободный уголок, чтобы укрыться от ее домогательств.

Мало пользы от такого существа при ближайшем рассмотрении. Слишком много помады на губах, буквально всё перемазано, а смыть и оттереть – практически невозможно. Некстати здесь дает о себе знать высокое качество изделия.

В результате, наш герой остается один, потом следуют новые витки безрезультатного поиска подходящего варианта, а тут уж и старость подошла и связанная с ней потеря товарного вида, волос и зубов.

Конечно, все это можно опять вставить, нарядить на голову шапку, но внутренняя усталость окрашивает лицо в такие тона и придает ему такое унылое выражение, что люди просто боятся приближаться, подчиняясь инстинкту самосохранения.

И тут вдруг, ближе к вечеру, начинается просмотр какого-то интерактивного сериала – сначала идет первая серия, в которой намечается завязка в сюжете. Видит он, будто бы, приходит к нему в гости не молодуха, искрящаяся энергией, а пожилая пенсионерка со своими проблемами, кстати, очень курносая, что для девочки, возможно и привлекательно, а пожилую даму уже перестает украшать, и просит она у него косу. «Дай-ка ты мне, милый человек, косу. Наметила, – говорит она, – я покосить тут, а то уж слишком всё заросло, да и на корм скоту, сам знаешь, необходимо сено».

– Ну, дам я тебе косу, – говорит он, – а мне какая от этого будет польза? Чем ты мне за это отплатишь?

А она говорит: «Не сомневайся. Я женщина памятливая, если что, где, когда обещала, выполняю, относясь к порученному делу и взятым на себя обязательствам ответственно и соблюдая намеченные сроки».

На другую ночь демонстрируется ему уже последующая, вторая серия, как потом выясняется с помощью телепрограммы, последняя. Причем, происходит опять не пассивное созерцание, а снова интерактивное действие, со всеми сопутствующими ощущениями, но без вашего согласия на участие в съемках.

Понимает он, что стоит на широком поле, и, как будто, он – трава, наряду с другими ему подобными.

Пригревает солнце, он млеет и нежится, глядя на облака и голубое небо.

Вдруг приходит на поле бригада косарей.

Но это только так говорится, а проще сказать – обычные деревенские мужики без всякой специальной униформы, некоторые даже и с явными признаками похмельного синдрома на лицах, как водится у нас в сельском хозяйстве на каждом шагу.

Примерив на глаз объем работ и поплевав перед началом на руки, согласно вековой традиции, они начинают косить траву направо и налево. При этом продвигаются вперед достаточно быстро, демонстрируя, нажитый не от хорошей жизни, профессионализм.

А возглавляет эту самостоятельную бригаду известная на селе, да и в других регионах, женщина-передовик, которая косит и шире, и чище.

Вот она его и скосила, причем все произошло очень быстро, практически безболезненно, как под наркозом.

Потом это сено долго ещё на поле лежало. Прело, прело. Дожди шли, а убрать было некому.

Так оно и пропало. Не принесло никакой пользы.

Новогодняя сказка

– Сейчас сверху посыплется снег, – объявил Дед Мороз, – Всё вокруг должно покрыться снегом и стать загадочным и таинственным. Это нужно для того, чтобы создавалось праздничное настроение.

– А ещё, чтобы замечать следы, – добавила Снегурка.

– Правильно, дочка, – согласился Дед Мороз.

– Ура, – закричали дети и запрыгали от радости.

А взрослые и в снег, и в Деда Мороза со Снегуркой не поверили.

– Странная какая-то парочка: он – старик, а она-то совсем молоденькая. Это кем же она ему приходится? То ли дочка, то внучка, то ли вообще неизвестно кто?

– Да внучка это, внучка, – закричали дети, – Кто же еще? Всегда вам надо всё испортить!

Дед Мороз не любил вопросов про возраст, про родственные отношения. Не стал ни перед кем оправдываться, а сразу приступил к главному, к делу всей жизни – начал поздравлять всех подряд с Новым Годом.

Тут, действительно, сверху посыпался снег, и все сомнения исчезли, а настроение сразу стало праздничным.

Вот, собственно говоря, в такой обстановке они и начали работать, странная эта, на первый взгляд, парочка.

В один подъезд зайдут, пройдутся по квартирам, набьют мешок гостинцами, извинятся перед жильцами, – мол, не взыщите, поздравят всех с Новым Годом и сразу в другой подъезд спешат. Там подарки раздают, пока мешок не опустеет. А потом – по-новой. И так целый день.

Популярность у этой парочки всегда была бешенная, да и работа сама по себе вроде непыльная, но предусмотренные жанром многократные повторения одного и того же текста чрезвычайно утомляли.

Закололо у Снегурки сначала в одном боку, потом в другом, в голове вдруг что-то щёлкнуло. А ведь совсем молодая ещё девушка была! Упала она на белый снег и отключилась. Так с улыбкой на лице и померла в самый разгар предновогодних гуляний.

Что тут делать? Отвезли её в морг. Будет встречать Новый Год там. С тамошними работниками. Кстати, и температура воздуха у них в хранилищах весьма комфортная для такого рода экземпляров.

А Дед Мороз наш загрустил, голову повесил. Как работать одному, то ли без дочки, то ли без внучки, то ли вообще неизвестно без кого.

Только не долго маялся он. Сработала умная голова. Засучил рукава и начал лепить новую Снегурку – то ли дочку, то ли внучку, то ли вообще неизвестно кого.

Дети помогали, снег на санках подвозили, лопаточками маленькими подгребали, подтаскивали из дому одежду. Иногда и без спроса брали. Случай-то уж больно специфический, время дорого, терять его на разговоры-то с родителями некогда.

Работали все дружно. Сам Дед наш не ожидал, что настоящую фигуру, со всеми необходимыми частями, удастся ему слепить, потому что раньше никогда такими делами заниматься не приходилось.

А получилось-то славно!

– Ну, как живая, – удивлялись прохожие. Подходили, щупали, не могли глаз оторвать.

Под конец, Дед Мороз наш весь народ от скульптуры своей отогнал. Остался со своим творением один на один. Сказал что надо, что в таких случаях говорить положено, – она и ожила: глазами захлопала, подбоченилась, да и пошла вокруг деда плясать.

Он так и сел от радости. «Значит, могу ещё что-то! Значит, способен на подвиги! За такое дело могут ещё и лауреата дать», – подумал. Потом махнул рукой, плюнул: «А не надо мне

ничего!» – Взял он новую Снегурку за руку, то ли внучку, то ли дочку, то ли вообще неизвестно кого, и пошли они по улице, а снег их следы стал замечать, так как он являлся третьим участником этого новогоднего шоу.

И стали они в новом составе работать. В один подъезд зайдут, пройдутся по квартирам, набьют мешок гостинцами, извинятся перед жильцами – мол, не взыщите, поздравят всех с Новым Годом и тут же в следующий подъезд спешат. Там подарки раздают, пока мешок не опустеет, а потом – по-новой, то же самое.

Освоилась новоиспеченная ассистентка, вошла во вкус, голова у нее закружилась от дешевой популярности, завелась она, не может остановиться – улыбается всем подряд без разбора и поздравления распространяет направо и налево.

А вот Дед Мороз к тому времени уже прилично устал. Пожилой всё-таки человек. Может быть, мешок был слишком тяжелый. Кто его знает?

Закололо у него сначала в одном боку, потом в другом, потом в голове что-то щёлкнуло, отключился он, упал на белый снег. Подбежали дети, подбежали взрослые: «Что такое? Что случилось?» А он лежит, не дышит. Отработал свой ресурс.

Ну, отвезли его в морг, будет встречать Новый Год там, с тамошними работниками.

А Снегурка новая, как осталась одна, растерялась совсем, не знает что делать. Стоит, руки растопырила, уже не улыбается, и вид у неё совершенно непраздничный сделался, а даже подозрительный какой-то.

Тут, что ли кто донёс, то ли еще что, в общем, подъехала милицейская машина, посадили её в автомобиль с фасоном, да и повезли в отделение.

Дело даже хотели шить, припомнили, как они с Дедом по квартирам ходили. А она, возьми да и растай по дороге.

Так что привезли наши правоохранительные органы в отделение одну только лужу. А начальству своему доложили, что, мол, прежде чем растаять, пожелала Снегурка всем счастливого Нового Года! Ну, а начальство сначала внимательно лужу осмотрело, и только после этого поверило, ну, а поблагодарить за поздравление уже было, к сожалению, некого...

Полёты наяву

Войницкий (раздраженно). *Не с Монблана, а с Тарпейской скалы.
Какое грубое невежество!*

Федор Иванович. *Ну, со скалы, так со скалы.
(А.П.Чехов, «Леший»).*

Долго не думали, а сразу выбрали большой трамплин в Лужниках. Во-первых – высота, а во-вторых – подъём удобен во всех отношениях – это тебе не по скале карабкаться, все руки обдерешь.

Так вот: морозный зимний день, солнце светит, настроение у всех приподнятое. Сама природа, как бы приветствует проведение любого мероприятия. К тому же, еще и воскресенье.

Народу, естественно, понабежало много, да и на автомобилях понаехало немало. Прибыли любители острых ощущений и на общественном транспорте, хотя специально никого не приглашали, никаких объявлений нигде не давали, и билетами никого не обеспечивали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.